

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Алагуев Михаил Викторович

**Социально-психологические предикторы
отношения молодёжи к вступлению в межкультурный брак
(на материале двух регионов России)**

Резюме диссертации
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, доцент
Галяпина Виктория Николаевна

Москва, 2024

Общая характеристика работы

Актуальность исследования основывается на нескольких позициях.

Первой из них является рост в современном мире количества межкультурных браков. Одной из причин этого является увеличение потоков мигрантов по всему миру. Например, в 2019 году число мигрантов составило 272 миллиона человек, это 3,5% от общего населения планеты (“Migration Research and Analysis: Growth, Reach and Recent Contributions,” 2019). Увеличение миграции приводит к увеличению количества межкультурных контактов, что, по мнению исследователей (Markus & Kitayama, 1998; Fletcher et al., 2014), способствует увеличению числа межкультурных браков.

Еще одной причиной выступает повышение интенсивности межкультурного обмена с помощью медиа, Интернета. Это позволяет людям легче встречаться, взаимодействовать. Следствием этого является «размывание и ослабление» границ между государствами, этническими группами, что, в свою очередь, способствует развитию мультикультурного общества и повышению количества межкультурных браков (Tseng et al., 1977; Silva et al., 2012; Heikkilä & Rauhut, 2015).

Рост количества межкультурных браков обуславливает необходимость изучения как самого феномена, так и факторов, предсказывающих вступление в межкультурные браки.

Вторая позиция связана с тем, что в современных мультикультурных обществах межкультурные браки являются важным звеном в формировании социальной среды, где различные культурные группы могут взаимодействовать между собой. Такие браки способствуют созданию поликультурных обществ с высокой социальной сплоченностью (Петров, 2009; Barker, 2015; Mazzucato & Schans, 2011). Если в полиэтничном государстве мало межэтнических браков, то можно говорить о том, что границы между группами являются сильными и слабо проницаемыми. В таком обществе люди редко участвуют в культурном обмене. Большое количество межэтнических браков, напротив, говорит о большей проницаемости границ между группами и культурном обмене (Hohmann-Marriott

& Amato, 2008). В настоящее время, по мнению исследователей (Alba & Nee, 2003), социальная дистанция между этническими группами снижается. Это означает, что люди все меньше воспринимают социальные и культурные различия как препятствие для создания долгосрочных семейных союзов.

Также количество межкультурных браков, готовность вступать в такие браки и позитивное отношение к ним являются индикатором межкультурных отношений в поликультурных обществах (Alba & Nee, 2003, Гриценко, 1991; Сусоколов, 1987). Способность людей встречаться, испытывать симпатию, влюбляться и образовывать семьи с людьми другой культуры является одним из показателей мультикультурализма (Osanami Törngren, 2011, Yodanis et al., 2012), формой преодоления этносоциальной дистанции, наличием установок на толерантность (Сикевич, Поссель, 2019).

Еще одна позиция, свидетельствующая об актуальности данного исследования, состоит в том, что межкультурные браки представляют собой модели межкультурных отношений на микроуровне – уровне малой группы (Alba & Nee, 2003; Berry, 2019). Постоянное взаимодействие человека с другой культурой в семье способствует формированию у него аутгрупповых установок (Huijnk et al., 2012). Поэтому проблема изучения отношения к межкультурным бракам является актуальной как на уровне общества в целом, так и на уровне отдельной личности.

Подводя итог, можно сказать, что изучение межкультурных браков имеет важное значение для науки и общественной практики. Однако данный феномен, как показывает анализ, остается малоизученным.

Разработанность темы исследования

В науке часто исследуются межэтнические (Гриценко, 1991; Этнически смешанные браки..., 2016) или межрелигиозные браки (Hughes & Dickson, 2005). Однако исследователи отмечают, что важно одновременно учитывать роль и этнической принадлежности, и религиозной (Чеботарева, Волк, 2020). В данном исследовании мы восполняем этот пробел и фокусируемся на изучении именно межкультурных браков, определяя их, вслед за Osanami Törngren et al. (2016), как

браки между людьми, имеющими существенные различия в культурном (этническом, расовом, религиозном, социальном или национальном) происхождении. В нашем исследовании межкультурные браки включают в себя межрелигиозные и/или межэтнические браки.

Хотя исследованию самого феномена межкультурного брака уделялось значительное внимание, особенно в зарубежных исследованиях (Carol, 2013), проблеме отношения человека к вступлению в межкультурный брак было посвящено небольшое количество работ. Также практически не были проанализированы социально-психологические факторы, предсказывающие отношение к межкультурным бракам.

Анализ показал, что на выбор супруга – представителя другой культуры – может оказывать влияние воспринимаемая культурная дистанция (Babiker et al., 1980; Galchenko, Van de Vijver, 2007) (воспринимаемая человеком разница между своей и чужой культурными традициями). Культурные различия в брачных практиках, ценностях, религии и других аспектах могут стать проблемными точками в отношениях супругов, принадлежащих разным культурам. Мы полагаем, что анализ роли воспринимаемой культурной дистанции позволит объяснить, как культурные различия отдаляют или, напротив, сближают потенциальных партнёров в межкультурном браке.

Социальная идентичность, рассматриваемая в рамках теории А. Тэшфела (Tajfel & Turner, 1986), является одним из факторов, оказывающих влияние на аутгрупповые установки (Mcfadden & Moore, 2001). Однако ее значение для установок на межкультурный брак в России остается малоизученным (Gorenburg, 2006). В данном исследовании мы фокусируемся на изучении эффекта четырех видов социальной идентичности – двух эксклюзивных (этнической и религиозной) и двух инклюзивных (гражданской и идентичности с местом) на отношение к межкультурным бракам.

Отношение человека к межкультурному взаимодействию во многом зависит от такой predisposition, как межкультурные установки (например, на этническую толерантность, социальное равенство) (Лебедева, 2016; Боттаева,

2009; Лебедева, Татарко, 2009). Отношение к вступлению в межкультурный брак можно рассматривать как частный случай межкультурных установок. Исходя из этого, можно предположить, что установки на толерантность и социальное равенство могут предсказывать отношение к вступлению в межкультурный брак (Делова, 2001; Малькова, 2017).

Также существуют исследования, согласно которым воспринимаемая культурная угроза (или полярное ей переживание – воспринимаемая культурная безопасность) рассматривается как стрессовый фактор для межкультурных установок (Stephan et al., 2009; Nshom & Croucher, 2014; Лебедева, 2016). В некоторых исследованиях утверждается, что возрастающее количество межкультурных браков может способствовать росту воспринимаемой культурной угрозы для доминирующей этнокультурной группы (McDoom, 2019a). Однако роль воспринимаемой культурной угрозы в отношении к межкультурным бракам неоднозначна: некоторые исследователи указывают, что в ряде случаев воспринимаемая угроза может способствовать снижению числа межкультурных браков, в других – может приводить к обратному результату (Connolly, 2009). В этой связи важно изучить роль воспринимаемой культурной безопасности/угрозы в отношении к межкультурному браку.

Отношение к межкультурным бракам может обуславливаться социокультурным контекстом. Исследователи (Buunk et al., 2009, Georgas, 2011; Niew et al., 2015) выявили, что в некоторых культурах существуют жесткие нормы и традиции выбора брачного партнера, которые часто связаны с историческими, религиозными или социальными факторами. Например, в коллективистских культурах большое значение в выборе брачного партнера придается мнению родителей (Buunk et al., 2009, Georgas, 2011; Niew et al., 2015). В других культурах, наоборот, такие нормы и традиции являются менее строгими, и выбор брачного партнера зависит в большей мере от личных мотивов человека, таких как симпатия, характер и интересы (Geary et al., 2004; Georgas, 2011; Niew et al., 2015). Исследователи установили, что современные установки в «восточной», традиционной культуре претерпевают значительные изменения, однако остаются

ориентированными на социальные ожидания, нормы и предписания, в отличие от установок «западной» культуры, где больше ценится личная свобода и индивидуальные предпочтения (Albarracin & Shavitt, 2018).

В этой связи важно проанализировать отношение к вступлению в межкультурный брак с учетом этой характеристики социокультурного контекста. Наше исследование проводилось в двух поликультурных регионах России – Московском регионе (Москва и Московская область) и Республике Бурятия. Выбор данных регионов обусловлен тем, что они отличаются по показателям, которые влияют на отношение к межкультурным бракам (Малкова, 2017): уровень урбанизации, степень гетерогенности и открытости контактирующих народов, их языковая, культурная и религиозная близость, установки на межэтнические контакты.

Республика Бурятия – национальная республика, 29,51% населения которой составляет коренное население (буряты). Русские составляют 64,91% населения, а третий по численности этнос – татары – составляет менее 1%. В Московском регионе 86,74% населения являются русскими, при этом ни один другой этнос не представлен более чем полупроцентами населения. При этом процентное соотношение русских в Московском регионе превышает средний российский показатель, составивший 81,1% (Федеральная служба государственной статистики, 2010)¹.

Русские являются численным большинством как в Республике Бурятия, так и в Московском регионе, однако если в Московском регионе отношение русских к

¹ Здесь и в диссертации использованы данные Всероссийской переписи населения 2010 года, в то время как наиболее актуальным источником данных должна являться Всероссийская перепись населения 2020 года. Однако, как отмечается в различных источниках (Андреев, 2023; Тишков, 2023), организация переписи населения 2020 в условиях пандемии COVID-19 и сопутствующие этому сложности привели к тому, что из административных источников получены данные только о поле и дате рождения значительной части населения (минимум 16%). В отношении значительной части населения (11,3%) сведения об этничности вовсе отсутствовали, что выдвигает большие вопросы о применимости данных переписи населения 2020 года в вопросах этнической принадлежности. Ввиду означенных проблем данных переписи 2020 (особенно ввиду наличия проблем с указанием этничности) решено было воспользоваться данными переписи 2010.

По данным переписи 2020 года, соотношение этнических групп русских, бурят и иных в Республике Бурятия изменилось несущественно (64,91%, 29,51% и менее 1% соответственно в 2010 году; 63,95%, 32,46% и менее 1% соответственно в 2021 году), не оказав отмечаемого исследователями влияния на межэтническое взаимодействие. В Москве и Московской области соотношение этнических групп также не изменилось применительно к контексту настоящего исследования; доминирование русских остаётся безусловным.

представителям других этносов (внутренним и внешним мигрантам) является преимущественно негативным (Малькова, 2017; Лурье, 2018; Тишков, 2018 и др.), то в Бурятии межкультурные отношения положительные (Тишков и др., 2004; Жамбалова, 2011; Манзанов, 2012; Holland, 2014; Жалсанова, 2020;). Русские в Бурятии имеют сложный статус: с одной стороны, они являются численным большинством, но с другой стороны, проживая в национальной республике, ориентированной на поддержку национальной бурятской культуры (Воронова, 2019), они чувствуют себя культурным меньшинством.

Наибольшую актуальность данная проблема имеет для молодежи, поскольку она является той возрастной группой, для которой проблема заключения брака является очень значимой. Отношение молодежи к браку меняется от поколения к поколению. Ранее брак рассматривался преимущественно как неизбежная стадия жизненного пути, как почти обязательный этап в жизни каждого человека. Однако в последние десятилетия наблюдаются заметные изменения в этом отношении. Исследователи отмечают, что отношение к выбору брачного партнера является более ответственным, а вступление в брак, скорее, является осознанным выбором человека, а не действием, совершаемым под влиянием социального давления или общепринятых стереотипов (Vlagojević, 1989; De Coninck et al., 2020). Кроме этого, изучение отношения молодежи к межкультурным бракам позволяет не только проанализировать их брачные намерения, но и описать их установки на межкультурное взаимодействие (McDonald-Doh, 2019).

Таким образом, можно сказать, что в ранее проведенных исследованиях практически не анализировалась роль таких социально-психологических факторов: воспринимаемой культурной дистанции, установок, социальной идентичности и воспринимаемой угрозы/безопасности в отношении человека к межкультурному браку и готовности вступать в такие браки. Отсюда следует, что данное исследование актуально, особенно для поликультурной России, поскольку особенности социокультурных контекстов регионов России, этнических групп

могут также влиять на отношение к межкультурным бракам и опосредовать роль социально-психологических факторов в этом процессе.

Проблема исследования

Наиболее часто межкультурный брак рассматривается в социологических, этнологических и антропологических исследованиях. В психологических исследованиях изучалось в основном отношение к межкультурному браку как феномену, но не отношение ко вступлению в межкультурный брак, как личному выбору человека. Отношение людей к межкультурному браку не рассматривалось через призму принятия личного решения.

Также анализ показал, что большинство исследований социально-психологических предикторов, предсказывающих отношение к межкультурным бракам, было проведено за рубежом. В этой связи остается вопрос, будут ли они также оказывать эффект на отношение к межкультурному браку у представителей разных этнических групп в России, будет ли влиять регион проживания и статус этнической группы на эти процессы.

Возникает потребность в уточнении роли социально-психологических предикторов – воспринимаемой культурной дистанции, социальной идентичности, межкультурных установок и воспринимаемой культурной безопасности/угрозы – в отношении человека к межкультурному браку, в готовности вступать в такой брак.

Наше исследование фокусируется на молодёжи, а точнее – на тех её представителях, кто еще не заключил брак и рассматривает своё вступление в брак как потенциально возможное поведение, а не свершившийся факт. Данное исследование не затрагивает повторные браки, а также иные формы брачно-семейных отношений (фиктивных браков, сожительства и пр.).

В данном исследовании определение молодёжи не привязано к российскому законодательному определению (как группы возрастом 14–35 лет), так как для лиц возрастом 14–18 лет (и особенно 14–16 лет) проблема выбора брачного партнёра носит практически гипотетический характер. Также в аналитическом обзоре научной литературы нами используются исследования, проводимые в

зарубежных странах, где юридическое отнесение человека к представителям молодёжи отличается от российского. Для целей нашего исследования мы опирались на периодизацию Эрика Эриксона в его теории психосоциального развития (Эриксон, 1996). Автором были выделены 8 периодов, среди которых он различал такой возрастной период как «молодость» – от 19 до 35–39 лет. Соответственно, для целей нашего исследования мы отобрали респондентов, не состоящих в браке, старше 18 лет и моложе 40 лет.

Объектом данного исследования является отношение молодёжи к вступлению в межкультурный брак.

Предмет исследования – социально-психологические предикторы отношения молодёжи, проживающей в Республике Бурятия и Московском регионе, к вступлению в межкультурный брак.

Цель и задачи исследования

Цель исследования: выявить роль воспринимаемой культурной дистанции, социальных установок, социальных идентичностей (инклюзивных и эксклюзивных) и воспринимаемой культурной безопасности/угрозы в отношении молодёжи, проживающей в разных регионах России, к вступлению в межкультурный брак.

К задачам данного исследования относятся следующие:

Теоретические:

– проведение аналитического обзора литературы, посвященной изучению института межкультурного брака и предикторов, обуславливающих отношение к межкультурному браку.

– анализ роли воспринимаемой культурной дистанции, установок на межкультурный брак социального окружения, межкультурных установок, социальных идентичностей и воспринимаемой культурной безопасности/угрозы в отношении человека к вступлению в межкультурный брак

– формирование на основании аналитического обзора научной литературы теоретической модели предикторов, обуславливающих отношение к вступлению в межкультурный брак.

Эмпирические:

- установление взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции с отношением к вступлению в межкультурный брак;
- установление взаимосвязи установок на межкультурный брак социального окружения с отношением к вступлению в межкультурный брак;
- установление взаимосвязи межкультурных установок (этнической толерантности и установок на социальное равенство) с отношением к вступлению в межкультурный брак;
- установление взаимосвязи этнической, гражданской, религиозной, идентичности с местом с отношением к вступлению в межкультурный брак;
- определение модерационной роли воспринимаемой безопасности/угрозы во взаимосвязи социальных идентичностей с отношением к вступлению в межкультурный брак;
- выявление на основе полученных результатов кросс-культурных и кросс-региональных сходств и различий во взаимосвязи описанных феноменов.

Гипотезы и исследовательские вопросы

Общая теоретическая гипотеза: социально-психологические предикторы, такие как воспринимаемая культурная дистанция, установки социального окружения, установки на этническую толерантность и социальное равенство, инклюзивные и эксклюзивные социальные идентичности, а также воспринимаемая культурная безопасность оказывают существенный эффект на отношение молодёжи Республики Бурятия и Московского региона к вступлению в межкультурные браки.

Гипотеза 1. Воспринимаемая культурная дистанция предсказывает отношение к вступлению в межкультурный брак: низкая значимость для человека сходства культур (воспринимаемая культурная близость) позитивно взаимосвязана с отношением к вступлению в межкультурный брак.

Гипотеза 2. Позитивные установки социального окружения на межкультурный брак позитивно взаимосвязаны с отношением человека к вступлению в межкультурный брак.

Гипотеза 3. Установки на этническую толерантность и социальное равенство положительно взаимосвязаны с положительным отношением человека к вступлению в межкультурный брак.

Гипотеза 4. Эксклюзивные идентичности (этническая и религиозная), отрицательно связаны с положительным отношением к вступлению в межкультурный брак.

Гипотеза 5. Инклюзивные идентичности (гражданская и идентичность с местом) положительно связаны с положительным отношением к вступлению в межкультурный брак.

Исследовательский вопрос 1: Какова роль отдельных аспектов воспринимаемых сходств/различий культур в отношении молодёжи к вступлению в межкультурный брак?

Исследовательский вопрос 2: Существуют ли кросс-культурные и кросс-региональные сходства и различия во взаимосвязи воспринимаемой культурной близости, установок социального окружения на межкультурный брак, установок на этническую толерантность и социальное равенство, социальных идентичностей с отношением молодёжи к вступлению в межкультурный брак?

Исследовательский вопрос 3: Выступает ли воспринимаемая культурная безопасность условием (играет модерационную роль) взаимосвязи социальных идентичностей и отношения к вступлению в межкультурный брак у русских в Московском регионе и Бурятии и бурят Бурятии?

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретическую и методологическую базу исследования составили исследовательские работы, посвященные изучению браков в целом и межкультурной брачности, в частности:

– **мотивации вступления в брак** (С. И. Голод, М. Кальмийн, А. И. Антонов, Е. В. Волченкова, З. В. Сикевич, Ю. А. Поссель И. С. Оздоган, В. А. Кириллова, Е. Н. Ткач, Е. А. Трусова, М. А. Жданова, Л. В. Трубицына),

– **теории выбора брачного партнера, основанной на обмене статусами** (Р. К. Мертон, Дж. Йенси, М. Эмерсон, К. Чай, О. С. Макдум, М. Розенфельд),

– **психологии межкультурных браков** (В. В. Гриценко, В. Н. Галяпина, Н. Коэн, З. И. Айгумова, В. Р. Айгунов, С. Осанами Торнгрен, Т. К. Ростовская, Н. А. Ростовская, И. А. Макарова, З. В. Сикевич, Ю. А. Поссель, Дж. Макфэдден, Дж. Л. Мур, Д. Бугра, П. де Силва, К. Флетчер, С. Тинг-Туми, Л. А. Делова, Д. Горенбург, С. З. Бин Тахир, Р. Бугис, Р. Тасиана, Т. М. Карманова, А. И. Ташева, С. В. Гриднева, Т. Г. Стефаненко, О. А. Тихомандрицкая).

Теории и исследования, рассматривающие факторы, влияющие на межкультурные отношения, в том числе на микроуровне (уровне семьи):

– **теория аккультурации** (Дж. Берри, М. Веркуйтен, Ф. ван де Вайвер, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, З. Х. Лепшокова (Боттаева), Л. К. Григорян, Д. С. Григорьев, и др.),

– **исследования межгрупповых установок** (И. Айзен, Л. Самовар, Р. Портер, М. Веркуйтен, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Л. М. Дробижева, З. Х. Лепшокова (Боттаева), В. Н. Галяпина, Д. С. Григорьев, А. А. Батхина, Д. И. Дубров, О. Е. Хухлаев, С. В. Лурье),

– **исследования воспринимаемой культурной дистанции** (И. Бабицер, Дж. Кокс, П. Миллер, И. Суанет (Галченко), Ф. ван де Вайвер, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, О. С. Макдум, Р. Альба, В. Ни),

– **теория и исследования социальной идентичности** (А. Тэшфел, Дж. Тернер, В. А. Ядов, Н. Л. Иванова, Е. П. Белинская, М. А. Жигунова, Е. А. Коптяева, В. И. Антонов, Н. М. Лебедева, Л. К. Григорян, В. Н. Галяпина, З. Х. Лепшокова (Боттаева), М. Веркуйтен, О. Дроселтис, В. Вигнолес),

– **теория межгрупповой угрозы** (У. Г. Стефан, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Б. Рик, Э. Маниа, С. Гэртнер).

Методы исследования

Характеристики выборки: в исследовании принял участие 461 человек из разных регионов России, среди которых было выявлено 25 этнических групп. Затем выборка была очищена от представителей этнических и региональных групп, не связанных с темой данного исследования. Этническая принадлежность респондента определялась со слов респондента. Таким же образом были

получены сведения о семейном положении, в исследовании в дальнейшем участвовали респонденты, не состоящие в браке. В итоге в выборку вошли представители 3-х этнорегиональных групп: русские, проживающие в Московском регионе (n = 189), русские, проживающие в Бурятии (n = 111), буряты, проживающие в Бурятии (n = 102), общее количество респондентов составило 402 человека.

Инструментарий исследования.

Значимость *культурной дистанции/близости* измерялась с помощью шкалы культурной дистанции Galchenko & Van de Vijver (2007).

Отношение социального окружения к межкультурным бракам измерялось с помощью трех утверждений. Например, «При выборе брачного партнера другой культуры, насколько для Вас важно принятие Вашими родными и близкими разноэтнических браков?».

Для исследования *межкультурных установок* (этнической толерантности и установок на социальное равенство) были использованы шкалы из проекта «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (MIRIPS) (Berry, 2017; Лебедева, Татарко, 2009).

Для исследования *этнической и гражданской идентичностей, воспринимаемой культурной безопасности/угрозы, этнической толерантности и установок на социальное равенство* были использованы шкалы из проекта «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (MIRIPS) (Berry, 2017; Лебедева, Татарко, 2009). *Религиозная идентичность* оценивалась согласно шкале М. Веркуйтена (Verkuyten, 2007; Verkuyten & Yildiz, 2007), *идентичность с местом* измерялась по шкале О. Дроселтиса и В. Вигнолеса (Droseltis & Vignoles, 2010), адаптированной на русский язык Т. А. Рябиченко, Н. М. Лебедевой и И. Д. Плотка (Рябиченко, 2019).

Отношение к вступлению в межкультурный брак измерялось двумя вопросами, сформулированными авторами исследования: «Насколько позитивно, комфортно Вы себя ощущали бы, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной национальности?», «Насколько позитивно, комфортно Вы

себя ощущали бы, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной религии?»).

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. и PROCESS. Применялись следующие методы: описательная статистика, показатель надежности коэффициент α -Кронбаха, регрессионный анализ (иерархическая регрессия), многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA), модерационный анализ с использованием дополнительного модуля PROCESS (Модель 3), моделирование структурными уравнениями (SEM) с помощью приложения AMOS.

Процедура исследования. Исследование проводилось в декабре 2019 – феврале 2020 гг. с помощью социально-психологического опроса. Для проведения исследования использовалась онлайн-платформы Ika.si и «Анкетолог». Также ссылка на опросник распространялась методом «снежный ком». Респонденты, участвовавшие в опросе на платформе «Анкетолог», получали вознаграждение в размере 30 рублей за прохождение опроса. В любой момент респонденты могли отказаться от прохождения опроса.

Новизна исследования

В данной работе впервые в психологическом исследовании в российской науке межкультурный брак рассматривается с учётом различий как в этническом, так и религиозном происхождении.

Впервые проблема отношения человека к вступлению в межкультурный брак была рассмотрена через призму кросс-культурных (анализировались русская и бурятская этнические группы) и кросс-региональных (анализировались два поликультурных региона – Республика Бурятия и Московский регион) особенностей, что позволило выделить универсальные и специфические социально-психологические предикторы отношения к межкультурному браку.

На основании анализа была разработана теоретическая модель социально-психологических предикторов, обуславливающих отношение человека к вступлению в межкультурный брак. Она включала факторы, связанные с

культурой и региональным сообществом (воспринимаемая культурная близость/дистанция, отношение общества к межкультурным бракам), факторы, связанные с ближайшим окружением (отношение социального окружения к межкультурным бракам), и факторы личностного уровня (межкультурные установки, социальные идентичности и воспринимаемая безопасность). Данная модель была эмпирически проверена в ходе исследования.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость

Расширено применение теории воспринимаемой культурной дистанции Babiker I. E., Cox J. L. и Miller P.M. (1980) в отношении её эффекта на отношение к вступлению в межкультурный брак в разных этнокультурных группах. Продемонстрированы как общие тенденции, так и значимые межгрупповые различия в значимости отдельных аспектов культурной дистанции.

Теория социальной идентичности А. Тэшфела и Дж. Тернера (Tajfel & Turner, 1986) также получила развитие в данном исследовании. Было установлено, что эксклюзивные и инклюзивные социальные идентичности по-разному обуславливают отношение к вступлению в межкультурный брак в разных этнокультурных группах.

Также результаты исследования расширяют применение теории межгрупповой угрозы У. Г. Стефана (Stephan et al., 2009), поскольку доказывают, что воспринимаемая культурная безопасность выступает условием взаимосвязи этнической идентичности и идентичности с местом с установками на межкультурный брак, и данная модерационная роль зависит от социокультурного контекста и этнического статуса группы.

Практическая значимость

Результаты исследования могут быть полезны для поликультурных обществ, поскольку могут быть использованы в разработке программ по формированию толерантного отношения к межкультурным бракам и повышению уровня этнокультурной толерантности в обществе. Это может способствовать социокультурной интеграции и созданию более гармоничного общества.

Кроме того, результаты исследования могут быть полезны при разработке практических мер по поддержке межкультурных браков и семей, а также для разработки образовательных и просветительских программ, направленных на повышение эффективности межкультурных отношений. Результаты этого исследования могут способствовать повышению осведомленности и понимания в этой области, а также привести к новым открытиям и идеям в будущем.

Кроме того, исследование может значительно расширить представления о статусе культурной идентичности этнических меньшинств в регионах, где они не являются численным меньшинством. Например, в Республике Бурятия русские имеют уникальный опыт формирования социальной идентичности, поскольку бурятская культура в настоящее время переживает относительный подъем и является доминирующей в этом регионе, несмотря на то что русские являются численным большинством. Результаты исследования могут быть использованы для разработки государственной политики и программ, направленных на продвижение культурного наследия этнических меньшинств, а также обеспечение их представительства в политических, общественных и культурных институтах. Кроме того, анализ опыта этнических меньшинств может обогатить культурную жизнь поликультурных регионов и способствовать более тесному взаимодействию между различными культурами.

Основные результаты исследования и положения, выносимые на защиту

По результатам проведенных исследований были сформулированы следующие положения, выносимые на защиту.

1. Воспринимаемая культурная дистанция является значимым предиктором отношения к вступлению в межкультурный брак: чем меньшее значение для человека имеют сходства культур, тем более позитивно он относится к вступлению в межкультурный брак. При этом разные характеристики воспринимаемой культурной дистанции оказывают различный эффект на отношение к вступлению в межкультурный брак представителей разных этнокультурных групп.

2. У бурят, принадлежащих к более традиционной коллективистской культуре, для которой важны предписания и соблюдение культурных норм и правил, позитивные установки социального окружения на межкультурный брак являются важным предиктором позитивного отношения человека к вступлению в межкультурный брак. У русских Московского региона, которые относятся к более модернизированной культурной группе, положительное отношение человека к вступлению в межкультурный брак предсказывают межкультурные установки на этническую толерантность и социальное равенство.

3. Идентичность с местом (инклюзивная идентичность) предсказывает положительное отношение к вступлению в межкультурный брак у всех исследуемых групп вне зависимости от этнической принадлежности, статуса и региона. Роль этнической и гражданской идентичности меняется в зависимости от культурной принадлежности и региона. У бурят из Бурятии (титульная группа в национальной республике) этническая (эксклюзивная) идентичность предсказывала отрицательное отношение к вступлению в межкультурный брак, а гражданская идентичность (инклюзивная) – положительное. У русских Московского региона гражданская идентичность имела отрицательную связь с отношением к заключению межкультурного брака (выступала в качестве эксклюзивной).

4. Воспринимаемая культурная безопасность/угроза является условием взаимосвязи этнической идентичности и идентичности с местом с установками на межкультурный брак, и эта модерационная роль зависит от социокультурного контекста и этнического статуса группы.

Апробация результатов исследования

Результаты, полученные в рамках работы над изучением роли социально-психологических предикторов в структуре отношения к вступлению в межкультурный брак, были представлены в следующих публикациях и научных конференциях:

1. Публикации в рецензируемых научных изданиях:

1) Алагуев, М. В. Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера / М. В. Алагуев // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 1(41). – С. 63-75. – <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0106>

2) Алагуев, М. В. Социальные идентичности и отношение к межкультурным бракам в поликультурных регионах России: роль воспринимаемой безопасности / М. В. Алагуев, В. Н. Галяпина // Мир психологии. – 2022. – № 1(108). – С. 93-105. – https://doi.org/10.51944/20738528_2022_1_93

3) Алагуев, М. В. Роль социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры: кросс-региональный анализ / М. В. Алагуев, В. Н. Галяпина // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 259–277. – <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-259-277>

2. Конференции:

1) Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Практическая психология: вызовы и риски современного общества», Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 25 сентября 2020 г., выступление с докладом, публикация тезисов: «Межкультурный брак в современном полиэтническом обществе: мотивы, ценности, риски»

2) Международная научно-практическая онлайн-конференция «Личность в современном мире: образование, развитие, самореализация», Российский университет дружбы народов, 20 ноября 2020 г., выступление с докладом на тему: «Поликультурное воспитание как ресурс профилактической работы в системе образования»

3) Научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии», Институт этнологии и антропологии РАН, 17 ноября 2020 г., выступление с докладом на тему: «Междисциплинарный подход к изучению межкультурных браков»

4) V Международная научная очно-заочная конференции «Этнос и культура в эпоху глобализации», Кубанский государственный технологический университет, 1 июля 2021 г., публикация тезисов: «Мотивы вступления в брак и

их взаимосвязь с установками на межкультурные браки: кросс-культурный анализ»

5) VIII Международная научная конференция «Culture in Society, Between Groups and Across Generations», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 15 ноября 2021 г., выступление с докладом на тему: «Воспринимаемая культурная безопасность как модератор связи социальной идентичности и отношения к межкультурному браку: кросс-региональный анализ».

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, основной части, включающей теоретическую и эмпирическую главы, заключения и списка использованной литературы (248 источников, из них 106 на русском языке, 142 на английском языке) и 3 приложения. В работу включены 18 таблиц и 6 рисунков. Общий объем текста диссертации составляет 185 страниц.

Работа выполнена в Центре социокультурных исследований федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Текст диссертации, проекты исследований, проведение исследований и представление результатов осуществлены лично автором диссертации. Личный вклад автора составил 2 п. л.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность и проблема исследования, определяются цель и задачи работы, объект и предмет исследования, выдвигаются гипотезы и исследовательские вопросы. Далее описываются теоретико-методологические основы исследования, выборка, используемые методы и методики, эмпирическая база исследования. Определены теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту. Дается информация об апробации результатов исследования.

В **главе 1** представлена теоретическая часть диссертации, состоящая из 7 параграфов.

Параграф 1.1 состоит из двух подпараграфов, описывающих межкультурный брак как объект исследования социальных наук.

В **подпараграфе 1.1.1** были рассмотрены ключевые характеристики межкультурного брака. Межкультурный брак рассматривается как брак между людьми, имеющими существенные различия в культурном (этническом, расовом, религиозном, социальном или национальном) происхождении. Таким образом, в данном исследовании это понятие включает в себя межрелигиозные и/или межэтнические браки. Эти союзы представляют интерес для исследователей, так как они могут служить моделью межкультурных отношений на микроуровне и являться показателем мультикультурализма. В подпараграфе подчеркиваются особенности межкультурного брака: иное протекание конфликтов между супругами, повышенная готовность к межкультурному диалогу у супругов, а также большее, в сравнении с монокультурными семьями, количество спорных проблем, перетекающих в конфликты – особенно это касается воспитания детей (нормы воспитания, имянаречение, идентичность детей, и пр.).

В **подпараграфе 1.1.2** описывается феномен мотивации вступления в брак, и приводит к тому факту, что мотивация вступления в межкультурный брак имеет более сложную структуру мотивации, потому что человек принимает во внимание большее число переменных. В число факторов, которые человек принимает во внимание, входит статус культурной группы. Отмечается разнородность понятия

«отношение к вступлению в брак». Дано авторское определение понятия «отношение к вступлению в межкультурный брак» как социальной установки (аттитюда), описывающей предрасположенность субъекта к вступлению в брак с человеком, имеющим существенные отличия в культурном (этническом, расовом, религиозном, социальном или национальном) происхождении.

Параграф 1.2 состоит из двух подпараграфов, описывающих факторы, влияющие на выбор супруга – представителя другой культуры.

Подпараграф 1.2.1 описывает то, насколько воспринимаемая культурная дистанция – воспринимаемая человеком разница между социальными и физическими аспектами культурных традиций разных групп – оказывает влияние на отношение к межкультурным бракам. Это связано с тем, что установки по отношению к различным аутгруппам сильно различаются в зависимости от конкретной культурной группы. Если отличия в разных характеристиках культурной группы (например, гендерные роли, язык и воспитание детей) воспринимаются как значимые, то установки по отношению к данной группе могут быть негативными.

В **подпараграфе 1.2.2** описано, как позитивные межэтнические установки в обществе, толерантность, в целом благоприятный общественный климат – «дух времени», – влияют на принятие межкультурных браков. Также, в зависимости от культурных особенностей, большое значение могут иметь установки и убеждения семьи и родителей в выборе брачного партнера. Межкультурные установки, отражающие межэтническую толерантность и ориентированные на социальное равенство, являются важными социально-психологическим предикторами принятия межкультурных браков и позитивного к ним отношения.

Параграф 1.3 исследует роль социальной идентичности и воспринимаемой культурной безопасности в отношении к межкультурным бракам. В **подпараграфе 1.3.1** обсуждается роль социальной идентичности в отношении к вступлению в межкультурный брак. Социальная идентичность, как часть представления человека о себе, основанная на восприятии принадлежности к соответствующей социальной группе, опосредует социальное поведение

личности, и может по-разному влиять на взаимодействие человека с обществом, объединяя его с другими людьми либо подчеркивая его уникальность. Эксклюзивные (отделяющие человека от представителей других групп – например, этническая и религиозная) и инклюзивные (объединяющие представителей разных групп – например, гражданская и идентичность с местом) идентичности будут оказывать разное влияние на отношение человека к вступлению в межкультурный брак, соответственно их содержанию. В **подпараграфе 1.3.2** обсуждается концепция воспринимаемой культурной угрозы/безопасности и ее влияние на межгрупповые отношения, включая отношение к межкультурным бракам. Воспринимаемая культурная угроза – ощущение угрозы, утраты культурных ценностей, традиций, норм, морали, языка или других этнокультурных особенностей в связи с притоком инокультурных «чужаков» – оказывает эффект на формирование аутгрупповых установок. Однако роль воспринимаемой культурной угрозы/безопасности в отношении к межкультурным бракам неоднозначна. Происходя из теории межгрупповой угрозы У. Г. Стефана и теории социальной идентичности А. Тэшфела, высказывается гипотеза, что воспринимаемая безопасность может выступать условием, повышающим/понижающим влияние социальной идентичности на отношение к межкультурному браку.

В **параграфе 1.4** рассмотрен социокультурный контекст исследования. Республика Бурятия и Московский регион являются поликультурными регионами, при этом отличаются своими традиционностью и модернизированнойностью, соответственно. В целом на территории Бурятии межкультурные браки не вызывают устойчивых отрицательных реакций в обществе, а их уровень остается почти неизменным на протяжении длительного времени. В то же время, в Московском регионе, где проживает большое число мигрантов, ситуация с межэтническими браками является напряженной и связана более с давлением внешней и внутренней миграции, чем с длительным сосуществованием нескольких этносов. Несмотря на то, что фактически в обоих регионах примерно в равной степени представлены межэтнические браки,

различный исторический контекст поликультурного сосуществования (трёхвековое соседство двух главенствующих этносов в Республике Бурятия и давление внешней и внутренней миграции в Московском регионе) может оказывать влияние на формирование аутгрупповых установок (подвидом которых является отношение к вступлению в межкультурный брак). Механизмы воздействия группового статуса на выбор партнера не до конца ясны, однако, высказывается предположение, что культурные и социальные факторы, связанные с этим статусом, оказывают определенное влияние на формирование отношения к смешанным бракам. Учитывая то, что русские в Московском регионе являются безусловно доминирующей этнокультурной группой (этническое большинство), а в Республике Бурятия русские хотя численно превосходят бурят, но представляют этническое меньшинство, можно предположить, что у русских с разным статусом отношение к межкультурным бракам будет отличаться.

Выводы к главе 1 представлены в **параграфе 1.5**. Далее, в **параграфе 1.6**, описана авторская модель социально-психологических факторов, обуславливающих отношение к вступлению в межкультурный брак.

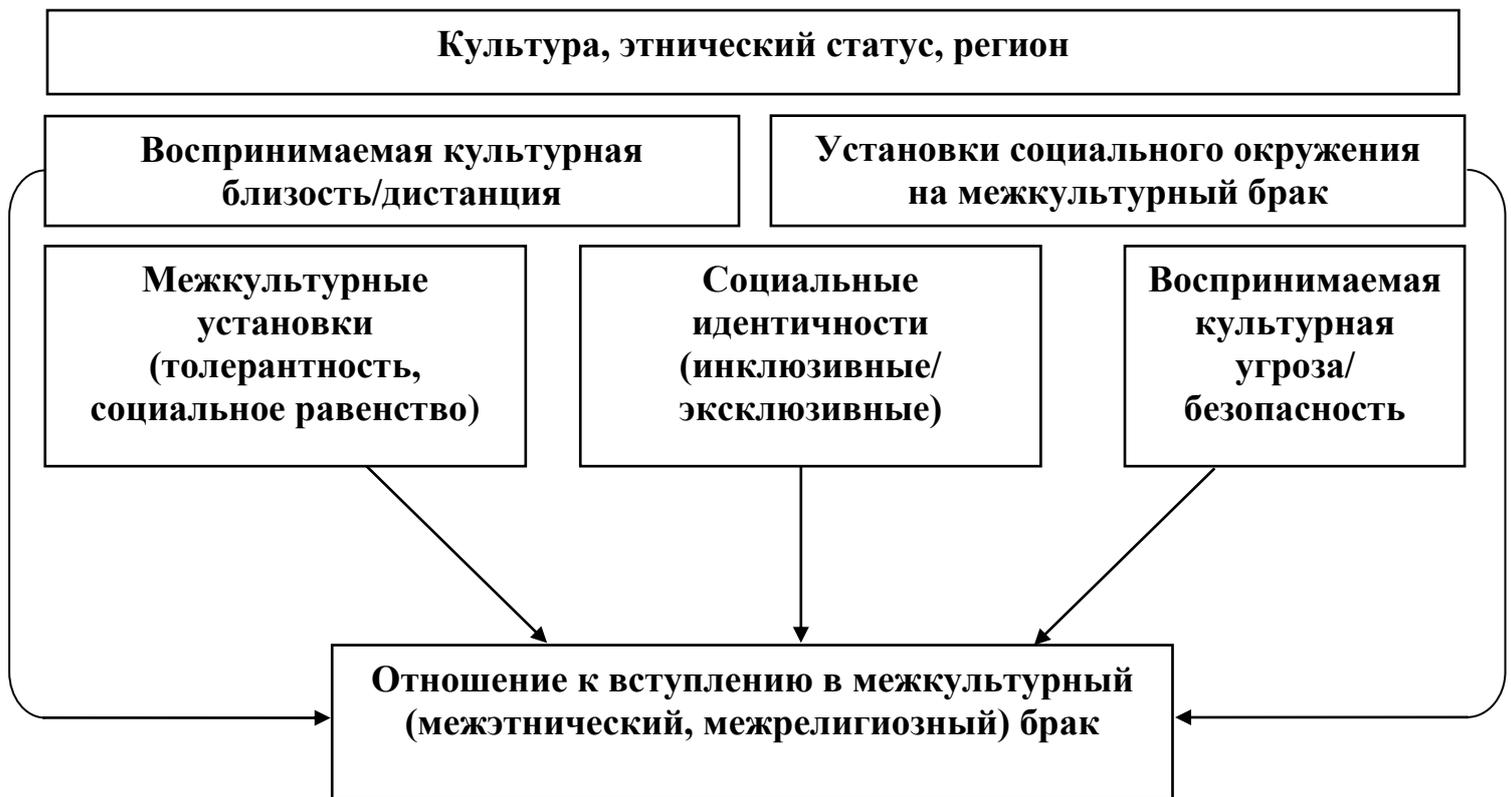

Рисунок 1. Авторская теоретическая модель социально-психологических предикторов, обуславливающих отношение к вступлению в межкультурный брак

Завершается глава 1 формулированием гипотез и постановкой исследовательских вопросов, описанных в **параграфе 1.7**.

Эмпирическая часть диссертации представлена в **Главе 2** «Эмпирическое исследование социально-психологических предикторов отношения к вступлению в межкультурный брак», состоящей из шести параграфов и трёх подпараграфов.

Первый во второй главе **параграф 2.1** посвящен описанию методики исследования, с описанием выборки исследования, применяемого инструментария и процедуры исследования.

Состоящий из трёх подпараграфов **параграф 2.2** описывает результаты исследования взаимосвязи культурной дистанции и установок на выбор брачного партнера с отношением к вступлению в межкультурный брак.

Подпараграф 2.2.1 содержит результаты исследования взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции и отношения к вступлению в межкультурный брак.

Для проверки нашей гипотезы о связи культурной дистанции с отношением к межкультурному браку и ответа на исследовательский вопрос нами был проведен регрессионный анализ, на первом шаге были проконтролированы социально-демографические характеристики. Первоначально мы проанализировали связь воспринимаемой культурной дистанции в целом с отношением к вступлению в межкультурный брак в разных этнорегиональных группах, далее мы сделали анализ связи с отдельными показателями культурной дистанции. По результатам иерархического регрессионного анализа можно заключить, что воспринимаемая культурная дистанция значимо отрицательно связана с положительным отношением к вступлению в межкультурный брак (как в межэтнический, так и в межрелигиозный) во всех трёх группах. Другими словами, чем большее значение для человека имеют сходство собственной культуры и культуры потенциального брачного партнера, тем негативнее отношение к вступлению в межкультурный брак. Таким образом, *гипотеза 1* нашла своё подтверждение.

Однако, как отмечалось ранее, так как культуры имеют множество отдельных аспектов сходств/различий, мы провели более детальный анализ эффекта каждой характеристики культурной дистанции на отношение к вступлению в межкультурный брак. Такой более глубокий анализ показывает детальную структуру отношения к вступлению в межкультурный брак, которая может различаться у представителей трех групп.

На первом шаге мы контролировали социально-демографические характеристики, на втором шаге мы проверяли роль каждой отдельной взятой характеристики воспринимаемой культурной дистанции.

Результаты иерархического регрессионного анализа показали, что эффект социально-демографических характеристик (возраст, пол и образование) не значим. Такие характеристики воспринимаемой культурной дистанции как

отсутствие языкового барьера, близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей и близость традиций приготовления пищи и организации трапезы не являлись значимыми в отношении к межкультурному браку у всех трех исследуемых групп. Однако при анализе тех характеристик воспринимаемой культурной дистанции, которые оказывают эффект на отношение к вступлению в межкультурный брак, становятся заметны межгрупповые различия.

Отсутствие языкового барьера, близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей и близость традиций приготовления пищи и организации трапезы не показали свою значимость ни для одной этнорегиональной группы. Близость норм поведения, ценностей; близость религиозных убеждений; близость традиций имянаречения детей; близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; схожие ожидания в отношении гендерной роли и разделение домашнего труда; схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми показывали значимость в формировании отношения человека к вступлению в межкультурный брак. Это позволило получить ответы на *исследовательский вопрос 1*.

Характеристики воспринимаемой культурной дистанции оказывают различное влияние на формирование отношения к вступлению в межкультурный брак в разных этнокультурных группах. У русских из Бурятии единственной характеристикой культурной дистанции, которая оказывала влияние на формирование отношения к вступлению в межкультурный брак, оказалась близость религиозных взглядов – при её высокой личностной значимости ухудшалось отношение к вступлению в межрелигиозный брак. При этом, такое влияние характерно для всех трёх этнорегиональных групп. Остальные значимые же характеристики различались для русских, проживающих в Московском регионе, и бурят, проживающих в Бурятии. У бурят Бурятии большее влияние оказывают характеристики культурной дистанции, отражающие большую традиционность и коллективизмом бурятской культуры. Таким образом, в части,

касающейся воспринимаемой культурной дистанции, нашёл свой ответ *исследовательский вопрос 2*.

В подпараграфе 2.2.2 описаны результаты изучения взаимосвязи установок на межкультурный брак социального окружения и отношения к вступлению в межкультурный брак. Для проверки нашей гипотезы и ответа на исследовательский вопрос 2 (в части, касающейся кросс-культурных и кросс-региональных сходств и различий во взаимосвязи отношения социального окружения к межкультурным бракам с отношением россиян к вступлению в межкультурный брак) мы провели регрессионный анализ для каждой группы, использовалась иерархическая регрессия. На первом шаге мы контролировали социально-демографические характеристики, на втором шаге мы проверяли взаимосвязь отношения социального окружения к межкультурным бракам с выбором респондентом партнера из другой культуры. Из результатов анализа видно, что принятие идеи межкультурных браков родными и близкими респондента не предсказывает отношение к межкультурному браку ни в одной из групп, однако принятие межкультурных браков родными и близкими потенциального брачного партнёра и положительное отношение в обществе к межкультурным бракам оказывались значимыми в отношении к вступлению в межкультурный брак. Эта связь была выявлена только у бурят Бурятии. При этом это влияние было отрицательным; то есть, значимость для бурят установок социального окружения на межкультурный брак, предсказывает негативное отношение к межкультурному браку. Можно сказать, что если человек зависит от мнения близких, особенно ему важно, как к такому браку относится окружение партнера, то есть, ему важно быть принятым этим окружением, то его отношение к межкультурному браку будет негативное. Эти результаты частично подтверждают *гипотезу 2* (в группе бурят Бурятии). Также для бурят Бурятии значимым оказалось положительное отношение общества в целом к межкультурным бракам. Можно сказать, что если буряты «оглядываются» на общественное мнение в отношении межкультурных браков, то их собственное отношение к таким бракам – отрицательное. Можно сказать, что эти данные

также подтверждают нашу *гипотезу 2* в отношении группы бурят из Бурятии. Эти данные также позволили ответить на наш *исследовательский вопрос 2* об этнорегиональных различиях. Оказалось, что для русских вне зависимости от региона, мнение своего ближайшего окружения и окружения партнера, а также установки на межкультурный брак в обществе не имеют значения в их собственном отношении к межкультурному браку.

Следующим этапом нашего исследования в **подпараграфе 2.2.3** стала проверка гипотезы о наличии взаимосвязи межкультурных установок и отношения к вступлению в межкультурный брак.

Для проверки гипотезы и ответа на исследовательский вопрос мы провели регрессионный анализ (использовалась иерархическая регрессия). На первом шаге мы контролировали социально-демографические характеристики, на втором шаге мы проверяли связь этнической толерантности, а на третьем шаге – связь установок на социальное равенство с отношением к вступлению в межкультурный брак.

Как видно из результатов регрессионного анализа, имеются как общие тенденции, так и специфические для этнорегиональных групп. Во-первых, во всех этнорегиональных группах социально-демографические характеристики не являются предиктором отношения к межкультурному браку. Во-вторых, этническая толерантность значимо взаимосвязана с отношением к межкультурному (как межэтническому, так и межрелигиозному) браку во всех трёх этнорегиональных группах. В-третьих, только у русских Московского региона установки на социальное равенство предсказывают положительное отношение к межэтническому браку.

Таким образом, *гипотеза 3* подтверждена частично, в отношении этнической толерантности на выборке всех трех групп, в отношении установок на социальное равенство – только у русских в Московском регионе. Можно сказать, что чем более толерантно представители всех трех групп относятся в целом к другим группам, тем более позитивно их отношение к межкультурным бракам. Чем более выражены установки на социальное равенство, тем более

положительным было отношение к межэтническому браку, но этот вывод справедлив только для русских Московского региона. Эти данные позволяют нам ответить на наш *исследовательский вопрос 2*, поскольку показывают общую тенденцию и специфические особенности, связанные с этнической и региональной принадлежностью респондентов.

На следующем этапе в **параграфе 2.3** мы проверили наши 4 и 5 гипотезы о роли социальных идентичностей в отношении к вступлению в межкультурный брак. В качестве метода анализа было использовано моделирование структурными уравнениями.

Первоначально, мы сравнили средние значения всех исследуемых переменных в трех группах. MANOVA с этнической и региональной принадлежностью в качестве независимой переменной, и этнической, гражданской, религиозной идентичностями, идентичностью с местом, отношением к вступлению в брак с представителем другой этнической и религиозной группы в качестве зависимых переменных показал, что в трех группах существуют значимые различия. Различия по отдельным показателям, полученные с помощью ANOVA, также имели значимые различия. Для контроля пола и возраста мы также провели MANOVA. Результаты показали отсутствие значимых различий между данными мужчин и женщин.

Далее, используя моделирование структурными уравнениями, мы провели мультигрупповой анализ. Результаты показали отсутствие инвариантности (все $\Delta CFI > 0,01$). Исходя из этого, дальнейший анализ мы проводили отдельно для каждой группы. Такой подход позволил также найти ответ на наш *исследовательский вопрос 2* о кросс-культурных и кросс-региональных сходствах и различиях в роли социальных идентичностей в отношении россиянина к вступлению в межкультурный брак. Показатели 3-х моделей (для каждой участвовавшей в исследовании этнорегиональной группы) соответствуют рекомендованным.

По результатам моделирования структурными уравнениями можно сказать, что *гипотеза 4* подтвердилась только частично на выборке бурят Бурятии, у них

этническая идентичность действительно оказывает значимый отрицательный эффект на отношение к межэтническому браку. У русских Московского региона и русских Бурятии эффект был также отрицательный, но статистически не значимый. В отношении религиозной идентичности гипотеза 4 не нашла своего подтверждения ни на одной из выборок.

Гипотеза 5 в отношении гражданской идентичности подтвердилась у бурят Бурятии: чем более выражена данная идентичность, тем более позитивно буряты относятся к вступлению в межрелигиозный брак. У русских в Московском регионе мы получили обратный результат: чем выше гражданская идентичность, тем менее позитивно русские относятся к межэтническому браку.

В отношении идентичности с местом наша пятая гипотеза подтвердилась также частично только на выборках русских Московского региона и русских Бурятии: данные показали, что чем более русские идентифицируют себя со своей малой родиной, со своим регионом, тем более позитивно они относятся к межкультурному браку.

В целом эти данные также показывают сходства и различия в паттернах взаимосвязей у трех групп и позволяют ответить на **исследовательский вопрос 2**.

В **параграфе 2.4** исследования проводилось изучение модулирующей роли воспринимаемой безопасности в отношениях между отношением к вступлению в межкультурный брак и социальными идентичностями.

Первоначально мы сравнили средние значения воспринимаемой безопасности трех группах. Однофакторный дисперсионный анализ показал, что воспринимаемая культурная безопасность между этнорегиональными группами значимо не различалась.

Для ответа на наш исследовательский вопрос мы провели модерационный анализ. Была использована модель модулируемого модератора, позволяющего проанализировать, изменяется ли модерационный эффект воспринимаемой культурной безопасности в зависимости от групповой принадлежности: социальные идентичности (этническая, религиозная и гражданская идентичности и идентификация с местом) (X) – предиктор, отношение к межкультурному

(межэтническому/межрелигиозному) браку (Y) – ауткам, воспринимаемая культурная безопасность (W) – модератор, групповая принадлежность (Z) – модератор модератора.

В работе представлены результаты только значимых моделей.

В целом, по результатам модерационного анализа было заключено, что воспринимаемая культурная безопасность является модератором взаимосвязи этнической идентичности и идентичности с местом с установками на межкультурный брак. Однако ее роль зависит от социокультурного контекста и этнического статуса группы. Это позволяет ответить на *исследовательский вопрос 3*.

Параграф 2.5 посвящен обсуждению полученных результатов. Данное исследование было посвящено анализу факторов, которые обуславливают отношение представителей разных этнических групп, проживающих в двух регионах России (Московском регионе и Республике Бурятия) к заключению брака с представителем другой этнической группы и другой конфессии.

Эмпирическая часть диссертации завершается Выводами к Главе 2 (**параграф 2.6**), где кратко обобщаются основные результаты настоящего исследования.

В **Заключении** подводятся основные итоги проделанной работы, описываются ограничения проведенного исследования, а также перспективы дальнейшего изучения данной темы и возможные направления для будущих исследований.

Список литературы

Андреев, Е. М. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 4-20. – <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>

Боттаева, З. Х. Взаимосвязь этнической толерантности мигрантов с их психологическим здоровьем / З. Х. Боттаева // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 4-1. – С. 39-42.

Гриценко, В. В. Социально-психологический климат вокруг национально смешанных семей / В. В. Гриценко // Этнические факторы в жизни общества / Институт этнологии и антропологии РАН. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1991. – С. 53-62.

Делова, Л. А. Социокультурные факторы межэтнической брачности (на примере Республики Адыгея, социологический анализ) : специальность 22.00.06 "Социология культуры" : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Делова Людмила Алиевна. – Майкоп, 2001. – 178 с.

Жалсанова, В. Г. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в современный период (по материалам социологического исследования) / В. Г. Жалсанова // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 3(145). – С. 18-22. – <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.3.2>

Жамбалова, С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии / С. Г. Жамбалова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 2(26). – С. 87-93.

Лебедева, Н. М. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Д. Берри // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 2. – С. 92-104.

Лурье, С. В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии / С. В. Лурье // Петербургская социология сегодня. – 2018. – № 10. – С. 122-148. – <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>

Малкова, А. А. Этническая идентификация у женщин, состоящих в межэтническом браке / А. А. Малкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 83-93. – <https://doi.org/10.14529/psy170408>

Малькова, В. К. Многообразие культур в Московском мегаполисе и его социально-экономический ресурс // *Этническое и религиозное многообразие России* / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Москва: ИЭА РАН. – 2017. – С. 230-279.

Манзанов, Г. Е. Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX – начале XXI в / Г. Е. Манзанов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 133-135.

Петров, И. Г. Этнос и нация, национальность и этничность (предназначение и смысл) / И. Г. Петров // Мир психологии. – 2009. – № 3(59). – С. 12-23.

Рябиченко, Т. А. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии / Т. А. Рябиченко, Н. М. Лебедева, И. Д. Плотка // Культурно-историческая психология. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 54-64. – <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>

Сикевич, З. В. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) / З. В. Сикевич, Ю. А. Поссель // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25. – № 1. – С. 121-136. – <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>

Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России : Под редакцией Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2009. – 420 с. – ISBN 978-5-209-03213-7

Сусоколов, А. А. Межэтнические браки в СССР. / А. А. Сусоколов. – М.: Мысль, 1987. – 142 с.

Тишков, В. А. Мировой опыт полиэтничности и Россия: три причины для интереса / В. А. Тишков // Этническое и религиозное многообразие России. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018. – С. 11-21.

Тишков, В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 183-211. – <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>

Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [Электронный ресурс] – 2010. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html

Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – Санкт-Петербург : ИД Университетская книга, 1996. – 589 с.

Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством / А. И. Ташева, С. В. Гриднева, Т. Г. Стефаненко, О. А. Тихомандрицкая // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13, № 3. – С. 39-52. – <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3>

Alba, R. & Nee, V. (2003). *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674020115>

Albarracín, D., & Shavitt, S. (2018). Attitudes and attitude change. *Annual Review of Psychology*, 69(1), 299–327. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011911>

Babiker, I. E., Cox, J., & Miller, P. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultations, symptomatology and examination performance of overseas students at Edinburgh University. *Social Psychiatry*, 15(3), 109–116. <https://doi.org/10.1007/bf00578141>

Barker, G. G. (2015). Choosing the best of both worlds: The acculturation process revisited. *International Journal of Intercultural Relations*, 45, 56–69.

Berry, J. W. (Ed.). (2017). *Mutual Intercultural Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/978131687503>

Berry, J. W. (2019). *Acculturation. A Personal Journey across Cultures*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108589666>

- Blagojević, M. (1989). The attitudes of young people towards marriage: *Marriage & Family Review*, 14(1–2), 217–238. https://doi.org/10.1300/j002v14n01_12
- Boronova, M. M. (2019). The Buryats: Ethno-Social Development and Post-Soviet Transformations (Based on the 2017 opinion polls among the young people of Buryatia, the Irkutsk region, and the Trans-Baikal Region). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.3.127-135>
- Buunk, A. P., Park, J. H., & Duncan, L. A. (2009). Cultural variation in parental influence on mate choice. *Cross-Cultural Research*, 44(1), 23–40. <https://doi.org/10.1177/1069397109337711>
- Carol, S. (2013). Intermarriage attitudes among minority and majority groups in Western Europe: the role of attachment to the religious In-Group. *International Migration*, 51(3), 67–83. <https://doi.org/10.1111/imig.12090>
- Chebotareva, E., & Volk, M. (2020). Life and family values similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith couples. *Behavioral Sciences*, 10(1), 38. <https://doi.org/10.3390/bs10010038>
- Connolly, J. (2009). Forbidden intimacies: Christian–Muslim intermarriage in East Kalimantan, Indonesia. *American Ethnologist*, 36(3), 492–506. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2009.01175.x>
- De Coninck, D., Van Doren, S., & Matthijs, K. (2020). Attitudes of Young Adults toward Marriage and Divorce, 2002–2018. *Journal of Divorce & Remarriage*, 62(1), 66–82. <https://doi.org/10.1080/10502556.2020.1833292>
- Droseltis, O., & Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Fletcher, C. V., Nakazawa, M., Chen, Y. W., Oetzel, J. G., Ting-Toomey, S., Chang, S. J., & Zhang, Q. (2014). Establishing Cross-Cultural Measurement Equivalence of Scales Associated with Face-Negotiation Theory: A Critical Issue in Cross-Cultural Comparisons. *Journal of International and Intercultural Communication*, 7(2), 148–169. <https://doi.org/10.1080/17513057.2014.898364>

Galchenko, I., & Van De Vijver, F. J. R. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>

Geary, D. C., Vigil, J. M., & Byrd-Craven, J. (2004). Evolution of human mate choice. *Journal of Sex Research*, 41(1), 27–42. <https://doi.org/10.1080/00224490409552211>

Georgas, J. (2011). Differences and universals in families across cultures. In *Cambridge University Press eBooks* (pp. 341–375). <https://doi.org/10.1017/cbo9780511974090.015>

Gorenburg, D. (2006). Rethinking interethnic marriage in the Soviet Union. *Post-soviet Affairs*, 22(2), 145–165. <https://doi.org/10.2747/1060-586x.22.2.145>

Heikkilä, E., & Rauhut, D. (Eds.) (2015). *Marriage Migration and Multicultural Relationships*. Institute of Migration, Migration Studies C 25. Turku: Siirtolaisuusinstituuti

Hiew, D. N., Halford, W. K., Van De Vijver, F. J. R., & Liu, S. (2015). Relationship standards and satisfaction in Chinese, Western, and intercultural Chinese–Western couples in Australia. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 46(5), 684–701. <https://doi.org/10.1177/0022022115579936>

Hohmann-Marriott, B., & Amato, P. R. (2008). Relationship quality in interethnic marriages and cohabitations. *Social Forces*, 87(2), 825–855. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0151>

Holland, E. C. (2014) Religious practice and belief in the Republic of Buryatia: comparing across faiths and national groups. *Nationalities Papers*, 42:1, 165-180, <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.853032>

Hughes, P. C., & Dickson, F. C. (2005). Communication, marital satisfaction, and religious orientation in interfaith marriages. *Journal of Family Communication*, 5(1), 25–41. https://doi.org/10.1207/s15327698jfc0501_2

Huijnk, W., Verkuyten, M., & Coenders, M. (2012). Family Life and Acculturation Attitudes: A Study among Four Immigrant Groups in the Netherlands.

Journal of Ethnic and Migration Studies, 38(4), 555–575.
<https://doi.org/10.1080/1369183x.2012.659117>

Markus, H. R., & Kitayama, S. (1998). The cultural psychology of personality. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29(1), 63–87.
<https://doi.org/10.1177/0022022198291004>

Mazzucato, V., & Schans, D. (2011). Transnational Families and the Well-Being of Children: Conceptual and Methodological challenges. *Journal of Marriage and Family*, 73(4), 704–712. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00840.x>

McDonald-Doh, A. (2019). Young people's perceptions of intercultural relationships. In *Emerald Publishing Limited eBooks* (pp. 135–153).
<https://doi.org/10.1108/978-1-78756-911-920191010>

McDoom, O. S. (2019). Inequality, ethnicity, and status in a ranked society: Intermarriage in Mindanao, the Philippines. *Research in Social Stratification and Mobility*, 59, 71–80. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2018.11.007>

Mcfadden, J., & Moore, J. L. (2001). Intercultural marriage and intimacy: Beyond the continental divide. *International Journal for the Advancement of Counselling* 23, 261–268. <https://doi.org/10.1023/A:1014420107362>

Migration research and analysis: Growth, reach and recent contributions. (2019). In *United Nations eBooks* (pp. 125–156). <https://doi.org/10.18356/66a7db95-en>

Nshom, E., & Croucher, S. M. (2014). Threats and attitudes toward Russian-speaking immigrants: a comparative study between younger and older Finns. *Russian Journal of Communication*, 6(3), 308–317.
<https://doi.org/10.1080/19409419.2014.954599>

Osanami Törngren, S. (2011). Love ain't got no color?: Attitude toward interracial marriage in Sweden. <http://dspace.mah.se/handle/2043/12449>

Osanami Törngren, S., Irastorza, N., & Song, M. (2016). Toward building a conceptual framework on intermarriage. *Ethnicities*, 16(4), 497–520.
<https://doi.org/10.1177/1468796816638402>

Silva, L. C., Campbell, K., & Wright, D. W. (2012). Intercultural relationships: entry, adjustment, and cultural negotiations. *Journal of Comparative Family Studies*, 43(6), 857–870. <https://doi.org/10.3138/jcfs.43.6.857>

Stephan, W. G., Renfro, C. L., & Davis, M. D. (2009). The role of threat in intergroup relations. In *Blackwell Publishing Ltd eBooks* (pp. 55–72). <https://doi.org/10.1002/9781444303117.ch5>

Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7-24). Chicago: Nelson-Hall.

Tseng, W., McDermott, J. F., & Marezki, T. W. (1977). *Adjustment in intercultural marriage*. Honolulu : Department of Psychiatry, John A. Burns School of Medicine, University of Hawaii.

Verkuyten, M. (2007). Religious Group Identification and Inter-Religious Relations: A Study Among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>

Verkuyten, M., & Yildiz, A. A. (2007). National (Dis)identification and Ethnic and Religious Identity: A Study Among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33(10), 1448–1462. <https://doi.org/10.1177/0146167207304276>

Yodanis, C., Lauer, S., & Ota, R. (2012). Interethnic Romantic Relationships: Enacting Affiliative Ethnic Identities. *Journal of Marriage and Family*, 74(5), 1021–1037. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2012.01005.x>